

Свободный художник Евгений Светланов

моск. новости - 1997 - 14-21 дек. - с. 21
ВСТРЕЧА

– Что побудило мастера к перевоплощению внешнему и внутреннему: шестая операция, недавно им перенесенная, смерть Рихтера, едва не убившая его еще раз, или же инстинктивное, неосознанное движение к новому?

– Мне кажется, что все в своей жизни я делал осознанно. Я не признаю безответственности, стихийности, «чтоб по волнам тебя несло» куда-то в бурном потоке. Но вечер памяти Рихтера, величайшего пианиста XX века, был особенным: он как бы слышал нас, а я в это верю.

– Чем обязан Святославу Рихтеру Евгений Светланов?

– Я обязан ему тем, что судьба меня соединила с ним, и очень давно. Я еще был неопытным, начинающим дирижером – и меня порекомендовали ему. Не помню, что это было за произведение – может, один из концертов Бетховена или Второй Шопена, но потом пошло очень много: Моцарта мы играли, Бартока, впервые в СССР Бриттена... Не буду все перечислять, наше непосредственное сотрудничество кончилось «Прометеем». Я считаю, что жаловаться мне грешно. Какие бы ни были сомнения в душе, тяжкие минуты, свойственные всем людям, не надо гневаться на судьбу и на Бога. Ведь есть счастье, и его я испытывал каждый раз, общаясь со Святославом Теофиловичем, будь то за роялем в зале или на репетициях у него дома, на двух роялях, или в гостях под Новый год... Я до последнего дыхания не забуду, что жил такой гений, а я был около него.

– На Западе что-то делалось в память о Рихтере?

– Не могу вам ответить, потому что я был занят возвращением к жизни. Я претерпел тяжелую четырехчасовую операцию в парижском госпитале и буквально через две-три недели дирижировал Госоркестром, прибывшим во Францию на гастроли. Когда я вышел за пульс, стояла такая тишина, какой не припомню: меня уже не ожидали видеть живым, но я постарался доказать обратное.

– Евгений Федорович, чем отличается ваша работа здесь от работы за границей?

– Я вам должен совершенно искренне сказать, что никакого различия я не чувствую. Может, это пришло с годами.

– И не ощущаете разницы между статусом первого официального дирижера, каким вы были в СССР, и нынешним положением свободного художника?

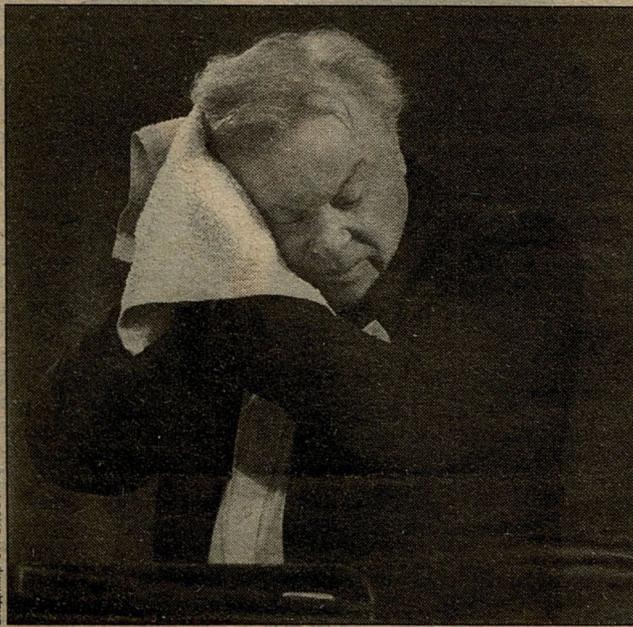
– Я всегда был свободным художником, мне абсолютно безразлично, какая власть правит. Надо честно делать свое дело, пока ты жив, *устать* сделать, как говорил старый Амати. Вмешиваться во все бесполезно, да и не надо – для этого есть другие; но и позиция невмешательства не вызывает особого уважения. Вот кипа партитур, которые никто не знает и никто не слышал, и моя задача в том, чтобы они прозвучали. Пока я жив, я работаю.

– Чем вы заняты за пределами России? В Голландии, Швеции...

– ...Японию, Англию – долго рассказывать. Концерты, записи. Я одно могу сказать: когда я был моложе, все силы отдавал Большому театру. Уйдя отсюда, переключился на вполне

На концерте Государственного оркестра из произведений Чайковского, которым Международный союз музыкальных деятелей продолжил серию акций, посвященных памяти Святослава Рихтера, предстал новый Светланов – в строгом черном костюме, без дирижерской палочки, совершенно по-иному трактующий известные сочинения.

ние некоторых пробелов Госоркестра. Это заняло два года каторжного труда, зато потом, как говорится, поезд встал на рельсы. Но, несмотря на все это, у меня оставалось время почтять, порыбачить, поездить. Сейчас же, конечно, сам виноват, я повяз в этих контрактах и уже думаю: зачем это все, суета сует. Надо думать о том, что после тебя останется, а давать просто концерты – уже не так интересно.

Евгений Светланов

– Останется что?

– Все, что может быть записано или снято, то есть артефакт.

– Многие музыканты сетуют на то, что современная технология убивает живой звук.

– Чуть собачья, извините за грубость, абсолютная неправда. Техника достигла такого уровня, что позволяет сохранить записи музыкантов, артистов, целых спектаклей на долгие годы. Если их правильно хранить, они станут достоянием поколений. Главное, чтобы записи ни в коем случае не превращались в музыкальные консервы. Так очень часто бывает: получаем диск, вроде бы все на месте, а радости нет. Основное на записи – сохранить пульс.

– Случается ли, что Светланов-композитор встает на дороге Светланова-дирижера и говорит: «Мне в этой партитуре не все по душе»?

– Ну конечно.

– И что делает дирижер?

– Подавляет всякую субъективность. Я ты-

сячу раз стараюсь прожечь взглядом партитуру и посмотреть, что же хотел сказать композитор. Так нас учил профессор Гаук и был прав. В первую очередь надо понять автора, а потом пропустить это через голову, сердце и вывести обратно.

– Существует ли для вас идеальная партитура?

– Их масса.

– Масса идеалов?

– Больше, чем вам кажется, извините. И слава Богу, что их так много.

– На репетиции вы говорили о поп-обработке 40-й симфонии Моцарта – неужели вам нравятся такие вещи?

– Грешен, нравятся, когда со вкусом сделано.

– В Лондоне недавно прозвучала симфония экс-«битла» Пола Маккартни. Возможно ли, чтобы при ее исполнении за дирижерским пультом стоял Светланов?

– Не исключено. Мое сердце открыто всему хорошему. Главное, чтобы музыка была интересной, доставляла радость и воспитывала исподволь.

– Любопытство к России, начавшееся на Западе с перестройкой, переросло ли в желание по-настоящему узнать русскую культуру?

– Безусловно, сейчас как никогда. Люди просят исполнить сочинения Балакирева, Глазунова, Лядова, Калининкова, Аренского – композиторов, которые на Западе были известны только по энциклопедиям. Мы охотно отвечаем на эти просьбы – записываем, исполняем. И другие коллективы, западные дирижеры делают то же. Как получается, другой вопрос, но интерес есть и желание.

– Вы могли бы сегодня продиржировать какими-либо показательно советскими произведениями – например, «Патетической ораторией» Свиридова?

– Я люблю Свиридова с первой узанной мною ноты его сочинений, эта любовь непреходяща, и думаю, что исполнение «Патетической» стало бы гигантским событием. Но... (коротко смеется) не все разделяет мою точку зрения, и поэтому это сочинение пока сидит в спецхране, как раньше говорили. Многие из тех, кто руководит культурой, считают, что семьдесят или семь-

десят пять лет – когу под хвост, ничего хорошего там не было. Это временно.

...Любой человек, когда уходит из жизни, оставляет после себя что-то. Я всегда стремился прожить жизнь не зря. Если мне не удается что-то записать, я очень огорчаюсь, потому что жизнь моя уже не бежит, а летит со скоростью средних размеров кометы. Я в этой связи вспоминаю мудрейшие слова Евгения Александровича Мравинского, мы были очень близки, несмотря на разницу в возрасте: «Когда тебе пятьдесят – ты этого не чувствуешь, у тебя в запасе вечность. Когда шестьдесят – жить и работать можно. В шестьдесят начинаешь задумываться и чувствовать, что время почему-то обгоняет тебя и твои возможности. А уж дальше...» Он махнул рукой и ничего не сказал. Ему было восемьдесят.